

А. А. Лунёв

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Несмотря на очевидное влияние коммерческих компаний, некоммерческих организаций, транснациональных корпораций на международные отношения, в науке до сих пор ведутся споры о том, могут ли такие образования быть носителями международных прав и обязанностей и следует ли считать их субъектами международного права. В статье анализируются два основных подхода к рассмотрению правосубъектности юридических лиц – отрицательный и позитивный. Согласно первому подходу активность частных лиц в международном праве опосредована государством. Следовательно, национальные юридические лица могут быть субъектами лишь национального или транснационального права, но не международного права. Сторонники второго подхода отвергают эти аргументы и утверждают, что современный международный правопорядок обеспечивает юридическим лицам собственные материальные и процессуальные права. В конце работы также исследуется третий подход, согласно которому классическое понимание субъекта права не отражает современную действительность, и юридических лиц в таком случае нужно рассматривать не как субъектов права, а как акторов международно-правовой системы или же образований *sui generis*.

Автор критикует отрицательное отношение к международной правосубъектности национальных юридических лиц и приходит к выводу о том, что сегодня их необходимо рассматривать как полноценных участников международных правоотношений, т. е. как субъектов международного права.

Ключевые слова: юридические лица, ТНК, международно-правовой статус, международная правосубъектность, доктрина

Для цитирования

Лунёв А. А. Научная дискуссия о международной правосубъектности национальных юридических лиц // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 12–26. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_12.

УДК 341

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_12

Введение

На современные международные экономические и социальные процессы значительное влияние оказывают различные юридические лица. Крупные компании, в первую очередь транснациональные корпорации (далее – ТНК), такие как *Apple*, *British Petroleum*, *General Motors*, *Microsoft*, *Nestle*, *Tesla*, являются ведущими участниками торговой, инвестиционной и иных финансово-экономических сфер деятельности наравне с государ-

ствами. Усиливается значение правозащитных и природоохранных организаций и движений. Немаловажную роль юридические лица играют и в вооруженных конфликтах. Речь идет не только о Международном Комитете Красного Креста, обладающем широкими полномочиями гуманитарного характера, но и о частных военных компаниях, которые зачастую выступают определяющей силой в конфликте. Так, в 2014 г. мировой рынок частных военных компаний составлял не-

сколько сотен миллиардов долларов ежегодно и обслуживал более ста стран на шести континентах [Буше-Сольнье 2017: 945].

При таких «могущественных» позициях юридические лица не могут не воздействовать в том числе на международные политические процессы. Известный американский политолог Най Джозеф еще во второй половине XX в. указывал, что современные ТНК оказывают влияние на мировую политику прямо и косвенно [Joseph 1974: 153–175].

В первом случае ТНК могут осуществлять свою собственную внешнюю политику, воздействуя на другие государства с помощью экономических факторов. К примеру, они могут обещать новые инвестиции или же, наоборот, угрожать выводом денежных средств.

Так, с использованием упомянутых способов в прошлом столетии осуществлялась политика американской транснациональной корпорации *United Fruit Company* (UFCO) на территории «банановых республик». Владея обширными территориями и транспортными сетями, компания оказала сильное влияние на экономическое и политическое развитие ряда латиноамериканских стран. Однако у такого влияния была сомнительная репутация: с одной стороны, UFCO обеспечивала тысячи рабочих мест, прокладывала железные дороги, занималась строительством портов, учебных заведений, больниц и жилья; с другой стороны, компания часто критиковалась за подкуп правительств принимающих государств в обмен на льготы и благоприятный налоговый режим, за эксплуатацию своих работников, несоблюдение их трудовых и социальных прав, а также за агрессивную монополизацию рынка. UFCO активно вмешивалась во внутреннюю политику принимающих государств, особенно в случаях, в которых ее выгодное положение находилось под угрозой. В частности, в 50-е гг. XX в. компания деятельно способствовала свержению «неудобного» гватемальского лидера, убеждая руководство США организовать государственный переворот.

Вместе с тем транснациональные корпорации сами могут стать «инструментами давления» как со стороны государства регистрации, так и со стороны принимающего государства для осуществления их внешнеполитических целей. Именно таким образом

в 70-е гг. XX в. страны Ближнего Востока смогли добиться от западных нефтяных компаний (*Gulf Oil*, *Royal Dutch Shell* и др.) практически полного соблюдения нефтяного эмбарго, введенного против США, Нидерландов и других стран, поддержавших Израиль в ходе Войны Судного дня. Эти события спровоцировали в 1973 г. крупный нефтяной кризис.

Косвенное влияние корпораций на международную политику заключается в том, что корпорации своей деятельностью вынуждают государства развивать и реформировать их антимонопольное законодательство, регулировать торговые ограничения и налоговую политику, взаимодействовать с другими государствами по торговым и промышленно-производственным вопросам. Тем самым ТНК определяют повестку межгосударственного сотрудничества [Joseph 1974: 159–161].

Тем не менее, несмотря на такое влиятельное положение юридических лиц в мировой политике, их международно-правовой статус в науке до сих пор является предметом споров.

Специальное и общетеоретическое понимание международной правосубъектности

Средневековый юрист Альберико Джентили писал: «Существуют вещи, которые настолько хорошо известны, что если вы попытаетесь объяснить их смысл, то он тут же ускользает» [Цит. по: Koskenniemi 2021: 233]. Пожалуй, эта цитата верно характеризует современное состояние международной правосубъектности. Очевидной кажется *prima facie* фундаментальность этой концепции в международном праве, однако при более детальном изучении исследователь неизбежно сталкивается с большими различиями в ее интерпретации научным сообществом¹.

Нет проблемы в том, что международную правосубъектность ученые-юристы определяют по-разному. Скорее, наоборот, как указывает В. Л. Толстых, прочно укоренился подход, согласно которому под международ-

¹ Как справедливо отмечает американский юрист Хосе Альварес, в действительности значимость международной правосубъектности кажется очевидной из-за того, что за последнее столетие практически в каждом международно-правовом научном труде этой концепции отводится почетное место наряду с источниками, указанными в ст. 38 Статута Международного суда ООН [Alvarez 2011: 25].

ной правосубъектностью понимается способность лица или образования быть участником международных правоотношений [Толстых 2009: 281–282]. Научная дискуссия сосредоточена на другом: обладает ли это лицо или образование достаточными признаками, чтобы быть таким участником, т. е. субъектом международного права. Несмотря на разноеобразие доктринальных позиций, можно выделить два основных подхода к пониманию субъекта международного права: специальный и общетеоретический [Международное право 2023: 70].

Специальный подход был распространен в советской доктрине и сохраняется отчасти в современной российской науке. Он базируется на этатистских воззрениях: поскольку государства, как принято считать, являются основными и первичными субъектами международного права, то правосубъектность иных образований должна быть им аналогична и соответствовать следующим признакам.

Для субъекта международного права достаточно иметь субъективные права и юридические обязанности по международному праву

Во-первых, субъекты международного права должны обладать способностью заключать международные договоры. По мнению Д. И. Фельдмана и Г. И. Курдюкова, качество международной договороспособности – основной признак субъекта международного права [Фельдман, Курдюков 1974: 47].

Во-вторых, субъекты должны участвовать в процессе образования норм международного права [Международное право 2015: 74]. В. М. Шуршалов отмечал при этом, что субъекты международного права являются не только единственными создателями норм международного права, но и силой, обеспечивающей соблюдение этих норм [Шуршалов 1971: 54].

В-третьих, субъекты международного права должны обладать независимым международным статусом и быть подчиненными непосредственно международному праву. И. И. Лукашук считал, что «международная правосубъектность есть юридическое выра-

жение членства в международном сообществе» [Лукашук 2007: 104].

Некоторые авторы также в качестве признака субъекта международного права выделяют его «коллективность», т. е. наличие у субъекта международного права элементов организации [Бирюков 2016: 104]. Н. А. Ушаков писал, что фактическое наличие такой организации является необходимой предпосылкой правоспособности субъекта международного права [Курс международного права 1989: 163]. Следовательно, согласно этому подходу субъектами международного права считаются *ipso facto* государства, а также народы, борющиеся за независимость, государствовподобные образования и международные межправительственные организации. Однако на этом круг субъектов замыкается. Правосубъектность иных участников, таких как физические и юридические лица, не признается, поскольку они не соответствуют вышеуказанным атрибутам, а их статус в международном праве опосредован межгосударственным сотрудничеством¹. По этой причине специальный подход можно охарактеризовать как довольно ограниченный.

В последние десятилетия в отечественной доктрине наблюдается постепенный отказ от специального подхода как не соответствующего современным реалиям в пользу общетеоретического. Его суть раскрыл Г. В. Игнатенко: «...Есть все основания для того, чтобы распространить на международное право понимание субъекта права, принятое в общей теории права, т. е. идентифицировать понятие „субъект международного права“ с юридической возможностью участия в правоотношениях, регулируемых международно-правовыми нормами, и обладания необходимыми для этого правами и обязанностями» [Международное право 2017: 69]. Таким образом, по мнению сторонников общетеоретического подхода, для субъекта международного права достаточно иметь субъективные права и юридические обязанности по международному праву. Обладать для этого специальными признаками

---

¹ Индивиду в таком случае характеризуют в качестве «бенефициария международного права» (И. И. Лукашук), или «выгодоприобретателя» (В. М. Шумилов), или «дестинатора международно-правовых норм» (С. В. Черниченко).

не требуется. Отсюда признается правосубъектность физических и юридических лиц.

Важно подчеркнуть, что речь идет только об ограниченной международной правосубъектности частных лиц, поскольку они не могут участвовать в любых международных правоотношениях, в отличие от государств. Однако это никак не влияет на их статус как субъектов международного права. Н. В. Захарова справедливо утверждает, что «качество правосубъектности лицо приобретает вне зависимости от величины круга правоотношений, в которых оно участвует. Достаточно наличия одного такого правоотношения, чтобы приобрести качество правосубъектности» [Захарова 1989: 114].

М. А. Лихачев следующим образом объясняет, как индивид проявляет свою международную правосубъектность [Международное право 2023: 111–118]. В первую очередь индивид обладает материальными правами и свободами непосредственно по международному праву¹. Об этом свидетельствуют как международно-правовые документы универсального² и регионального³ уровня, так и практика Международного суда ООН. Так, в деле братьев Лагранд 2001 г. Международный суд ООН указал, что нормы международного права не только регулируют отношения между государствами, но и устанавливают определенные права физических лиц⁴.

Более того, для индивида существует возможность прямо и *proprio nomine* процессуально обеспечить защиту этих прав, обратившись в соответствующие международные органы: Европейский Суд по правам человека, договорные органы ООН, Межамериканскую комиссию по правам человека, Междуна-

родный центр по урегулированию инвестиционных споров⁵. При обращении индивид заявитель выступает в качестве юридически самостоятельной личности и является при этом процессуально равной государству стороной.

Помимо международных прав и свобод, индивид также наделен международными обязанностями и в случае их нарушения может нести международно-правовую ответственность. Наиболее явно это проявляется в международном уголовном праве, когда индивид привлекается к ответственности за совершение международных преступлений. Нюрнбергский трибунал указывал, что международное право налагает обязанности не только на государства, но и на физических лиц. Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными образованиями, и только путем наказания лиц, совершающих такие преступления, можно обеспечить соблюдение положений международного права [Trial of the Major War Criminals 1945–1946: 223].

Следовательно, индивид – субъект международного права, поскольку обладает международными материальными и процессуальными правами, несет международные обязанности и может быть привлечен к международной ответственности.

В действительности сложно не учитывать то важное влияние, какое человек оказывает на текущий международный правопорядок. Международное право уже давно перестало быть исключительно правом межгосударственным. А. Я. Капустин справедливо замечает, что современные государства серьезно отличаются от своих предшественников прошлых эпох и строят свои отношения с гражданским обществом на иных правовых принципах [Международное право 2014: 140]. Рассматривать в качестве участников международных правоотношений лишь традиционные образования кажется устарелым и неактуальным.

Однако аргументы «за» и «против» высказываются при рассмотрении международ-

¹ В качестве примера такой непосредственной связи можно привести ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. Согласно ей «...государства признают право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни».

² Например, Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г.

³ Например, Европейская конвенция по правам человека 1950 г., Американская конвенция о правах человека 1969 г., Африканская хартия прав человека и народов 1981 г.

⁴ International Court of Justice. LaGrand (Germany v. United States of America). Judgment of 27 June 2001. P. 32. § 77.

⁵ Р. А. Мюллерсон тем не менее отмечает: «Сложнее, конечно, обстоит дело с международной правосубъектностью индивидов по отношению к международным документам в области прав человека в случаях, если индивид непосредственно не может выступать перед международными органами» [Курс международного права 1989: 179].

ной правосубъектности не только индивида, но и национальных юридических лиц.

Национальные юридические лица – не субъекты международного права

Против признания правосубъектности юридических лиц выступали многие зарубежные ученые-юристы.

Так, английский профессор Ян Броунли относил национальные юридические лица к «спорным случаям» и отмечал, что корпорации, образованные на основании внутригосударственного права, не обладают международной правосубъектностью [Броунли 1977: 117–118].

Итальянский юрист Антонио Кассезе считал, что ТНК не обладают никакими международными правами и обязанностями, а являются субъектами лишь национального и «транснационального» права, поскольку государства, опасаясь влияния таких юридических лиц, никогда не позволят им играть самостоятельную роль в международных делах, стараясь держать их под контролем [Cassese 1986: 103].

Немецкий профессор Питер Маланчук занимает менее категоричную позицию. Он отмечает, что международная правосубъектность компаний (и физических лиц) – довольно редкое явление. Более того, такая правосубъектность производна, поскольку предоставляется исключительно государствами или же международными организациями, которые созданы государствами. Поэтому когда некоторые государства утверждают, что частные лица являются субъектами международного права, в то время как другие государства с этим не согласны, то обе стороны могут быть правы. Если государства первой группы наделяют частных лиц международными правами, то их необходимо считать субъектами международного права в том, что касается этих государств. При этом государства второй группы могут препятствовать наделению частных лиц качеством международной правосубъектности, воздерживаясь от предоставления им каких-либо прав в соответствии с международным правом [Malanczuk 1997: 100–104].

В общих чертах позиция зарубежных юристов, отрицающих правосубъектность юридических лиц, сводится к тезису о том, что деятельность каких-либо частных лиц опосредована государством. Американский

профессор Луи Хенкин утверждал, что многонациональное предприятие не является «лицом» по международному праву. Многонациональное предприятие действует в рамках международной системы как юридическое лицо государства регистрации и подчиняется законодательству любого государства, в котором оно действует [Henkin 1990: 198–199].

Отечественная доктрина в целом исходит из тех же позиций. Если обратиться к до-революционной науке, то на первый взгляд кажется, что внимание положению юридических лиц в международном праве особо не уделялось. Это действительно так, поскольку для юристов той эпохи господствующим было воззрение, согласно которому единственным субъектом международного права является государство [Левин 1982: 135]. Так, Ф. Ф. Мартенс писал: «...Ни частные лица, ни общества, участвующие в международных сношениях, не должны быть считаемы субъектами международного права» [Мартенс 1904: 238–239]. Тем не менее автор рассматривал в качестве международных некоторые права таких обществ: 1) право на признание своего существования со стороны иностранного государства; 2) право на преследование своих законных целей в условиях и пределах иностранной юрисдикции; 3) право на защиту своих прав в иностранных судах [Там же: 333–334]. Однако такие права присущи юридическим лицам все же в международном частном, но не публичном праве.

Советские и некоторые современные российские ученые руководствуются логикой зарубежных «отрицателей» правосубъектности юридических лиц и говорят, что положение частных образований в международном праве опосредовано государством.

Г. И. Тункин писал: «...Влияние [частных корпораций] сказывается в международной системе главным образом через государства. Но это внесистемное влияние. Оно не делает частные корпорации акторами (компонентами) международной системы» [Тункин 1983: 25]. Д. И. Фельдман соглашался с этой позицией и указывал, что ТНК не отвечают критериям субъекта международного права (участие в международных правоотношениях; автономность воли участников международных правоотношений; обладание собственными международными правами и обязанностями) [Feldman 1985: 358–361].

По мнению В. М. Шумилова, международная активность юридических лиц свидетельствует о том, что они являются субъектами не международного, а транснационального права [Шумилов 2016: 73–75].

А. Н. Талалаев указывал, что на практике встречаются многосторонние договоры, в которых наряду с государствами участвуют национальные организации публичного или частного характера. Такие договоры условно называются «смешанными». Однако, по мнению советского ученого, участие данных организаций в «смешанных» договорах не означает, что они становятся субъектами международного права. Эти договоры предусматривают два вида обязательств: с одной стороны, между государствами, т. е. международно-правовые обязательства; с другой – между государствами и несубъектами международного права, т. е. гражданско-правовые и другие не международно-правовые обязательства. Двусторонние договоры между государством или межгосударственной организацией и частной компанией, которые внешне похожи на международные, необходимо считать квазимеждународными [Талалаев 1980: 94–96].

С. В. Черниченко категорически не отрицал правосубъектности юридических лиц, однако доступ индивида в международные органы для защиты своих прав и, следовательно, такой же доступ юридических лиц ученый рассматривал как обязательство государства по соответствующему международному договору. Соглашения между государствами и компаниями, по его мнению, относятся к частноправовым контрактам в сфере международного частного права [Международное право 2006: 164–165].

Отдельно можно выделить позицию Г. М. Вельяминова. С его точки зрения, ТНК не могут претендовать на статус субъекта международного права, поскольку не обладают свойствами государства (территория, население, власть, а также защита своих прав посредством индивидуальной или коллективной обороны), не учреждаются в качестве межправительственных организаций [Вельяминов 2015: 546–550].

Последовательным критиком международной правосубъектности юридических лиц среди отечественных юристов следует признать И. И. Лукашука. По его мнению, современные транснациональные предприятия

не обладают международными правами и обязанностями, несмотря на масштабы своей деятельности и влияния на внутреннюю и международную политику. В международных отношениях они рассматриваются как юридические лица определенного государства [Арцт, Лукашук 1996: 94]. Следовательно, соглашения между ТНК и государствами не являются международными договорами и подчиняются внутреннему праву соответствующих государств. Автор отмечал: «Даже если предположить, что с согласия участвующего в соглашении государства оно изымается из-под действия права этого государства, то это не изымает его из-под действия права страны, в которой компания зарегистрирована. Компания не может освободить ни себя, ни иностранное государство от действия этого права» [Лукашук 2004]. Таким образом, ученый не считал компании субъектами международного права, что, однако, не означает отрицания их роли в мировой экономике, а также настоятельной необходимости регулирования их деятельности, в том числе с помощью международного права [Лукашук 2007: 39].

Эти выводы, очевидно, вытекают из представлений о международном праве как исключительно межгосударственном. Однако, как уже указывалось ранее, такой взгляд не позволяет полностью адекватно оценить современные международные реалии, в которых правоотношения строятся не только исключительно между государствами, но и между государством и частными лицами. Представляется, что многие проблемы, не решаемые в рамках внутреннего права, вполне разрешаемы в рамках современного международного права. Следовательно, нет необходимости в построении конструкций типа квазимеждународного права, поскольку эти концепции лишь «загромождают» юридическую науку, а не объясняют реальный механизм международно-правового регулирования отношений.

Национальные юридические лица – субъекты международного права

В качестве субъектов юридических лиц признавались сторонниками прагматичного подхода к международному праву в середине и второй половине XX в.

Филип Джессап писал, что международное право, в особенности в делах с претензиями, привыкло иметь дело с корпорация-

ми, гражданство или национальность которых принадлежит какому-либо государству, таким же образом, каким оно имеет дело с физическими лицами. До тех пор, пока национальное законодательство создает этих юридических лиц, международное право должно относиться к ним как к отдельным лицам. Соответственно, корпорации или партнерства также могут быть субъектами международного права [Jessup 1948: 19–20]. По мнению американского ученого, признание юридических лиц субъектами международного права, вне зависимости от того, являются ли они частными, государственными или межгосударственными, приведет к тому, что их взаимоотношения будут поставлены под обычный международно-правовой контроль, осуществляемый международными организациями и в соответствии с процедурами, которые необходимо было бы создать и установить [Ibid: 21].

Английский профессор Херш Лаутерпахт видел реализацию этой идеи в реформировании доступа к Международному суду ООН. По его мнению, структура международного права позволяет отдельным лицам быть участниками разбирательств в международных судах, и в связи с этим предусмотренное в ст. 34 Статута Международного суда ООН определение¹ может быть заменено на менее бескомпромиссное и более практичное², чтобы обеспечить доступ к суду негосударственных субъектов – частных корпораций и частных лиц. С точки зрения ученого, представление о том, что частные лица не могут иметь никаких процессуальных или материальных прав в соответствии с международным правом, является «устаревшим и неверным» [Lauterpacht 1947: 458].

К тому же, по мнению Филипа Джессапа, юридические лица могут заключать аналогичные международным договорам соглашения по международному праву (*international law agreements*). Логика американского юри-

ста такова: соглашения между сторонами необходимо отличать согласно критерию применимого права – международного или внутригосударственного. Поскольку государства между собой могут заключать, помимо международных договоров (*treaties*), соглашения по внутригосударственному праву (*municipal law contracts*)³, то и юридические лица в данном случае могут заключать с государствами соглашения, в которых в качестве применимого права выбирается международное. К таким соглашениям по международному праву автор относил некоторые концессионные соглашения [Jessup 1948: 27].

Американский ученый Вольфганг Фридман, развивая эту мысль, указывал, что помимо простых концессий, предусматривающих эксплуатацию корпорацией природных ресурсов государства-контрагента на определенных условиях, юридические лица и государства могут заключать более сложные соглашения, которые влияют на публичные международные отношения и соответственно необязательно выходят за рамки публичного международного права. Он утверждал, что корпорации обладают ограниченной субъективностью *ad hoc* в той мере, в какой их сделки регулируются нормами публичного, а не частного международного права [Friedmann 1964: 222–223]. В качестве примера автор приводил Иранское соглашение 1954 г. о нефтяном консорциуме, в котором, помимо прочего, устанавливались подробные условия выплаты Ираном компенсации Англо-Иранской нефтяной компании и всеобъемлющие положения в социальной сфере. Так, Национальная иранская нефтяная компания брала на себя обязательства обеспечивать в зоне действия Соглашения условия труда, медицинскую помощь, общественный транспорт, а также обслуживать жилые помещения и дороги. Все это, как считал автор, оказывало непосредственное влияние

¹ Статья 34 Статута Международного суда ООН гласит, что только государства могут быть сторонами дел, разбираемых этим судом.

² Херш Лаутерпахт предлагал следующую редакцию ст. 34 Статута Международного суда ООН: «Суд обладает юрисдикцией: (1) в спорах между государствами; (2) в спорах между государствами и частными и государственными органами или частными лицами в случаях, когда государства заранее или по специальному соглашению согласились предстать перед Судом в качестве ответчиков» [Lauterpacht 1947: 458].

³ В качестве примера соглашений по внутригосударственному праву Филип Джессап приводил типовые контракты о покупке земли для строительства посольства или же некоторые соглашения займа, к которым относятся межсоюзнические займы времен Первой мировой войны [Jessup 1948: 27]. Фрэнсис Манн приводил другие примеры межгосударственных соглашений по внутригосударственному праву: соглашения займа Дании с Иорданией, Бразилией, Ираном и Малайзией, которые регулируются датским правом [Mann 1944: 490–496].

на общественную жизнь и экономику Ирана и на международные политические отношения [Ibid 1964].

Вольфганг Фридман отмечал, что в качестве права, применимого к соглашениям подобного рода, может быть выбрано косвенно или напрямую международное публичное право вместо какого-либо национального права. К тому же «публичный характер» таких соглашений усиливает арбитражная оговорка о назначении независимого арбитра. Следовательно, стороны соглашения, частная корпорация и государство, таким образом оказываются в одинаковом правовом положении и в равном статусе [Ibid 1964].

Тем не менее проблема способности юридических лиц заключать соглашения по международному праву, которые иногда именуется государственными контрактами (*state contracts*), остается сложной. Проблема правовой природы этих соглашений активно обсуждалась в середине и второй половине XX в. [Greenwood 1982; Jennings 1961] в связи с развивающейся практикой, во-первых, заключения сделок между государством и иностранным инвестором и применимости к таким сделкам норм международного права, во-вторых, инвестиционных споров между сторонами, причиной которых становились национализация и одностороннее изменение или прекращение государством обязательств по соглашению [Крупко 2002: 2–3]. Юристы не могли прийти к единому мнению по данным вопросам ни в доктрине, ни на практике, соответственно и арбитражные решения по таким делам были неоднородны.

Одним из особенных в этих дебатах стало решение 1977 г. по делу *Texaco Overseas Petroleum Company / California Asiatic Oil Company v. Government of the Libyan Arab Republic*.

Американские нефтяные компании «Тексако Оверсиз Петролеум Компани» и «Калифорния Азиатик Ойл Компани» в период с 1955 по 1966 г. заключили с правительством Ливии четырнадцать концессионных договоров о разработке нефти. В 1973 и 1974 г. Ливия национализировала собственность компаний. Согласно условиям концессий компании обратились в арбитраж, однако Ливия отказалась принимать участие в споре, сославшись на то, что национализация – это акт суверенитета.

Французский профессор Рене-Жан Дюпюи, будучи единоличным арбитром в деле, пришел к следующим выводам: процедура арбитражного разбирательства регулируется международным правом (пп. 11–16); концессионные соглашения между сторонами являются контрактами, относящимися к сфере международного права (пп. 19–35); все договорные отношения являются «интернационализированными» (пп. 36–52)¹. Профессор определил следующие три критерия интернационализации контрактов:

ссылка в соглашении на общие принципы права в качестве применимого права, несмотря на то что такие общие принципы не могут рассматриваться как совпадающие с международным правом во всей его полноте. Такая ссылка не исключает применения национального права, но опровергает презумпцию о том, что государство не может подчинять действительность своих обязательств какому-либо другому праву, кроме своего собственного;

включение в соглашение оговорки, предусматривающей, что возможные разногласия в части толкования и исполнения контракта должны быть переданы на арбитраж. Следовательно, арбитражное решение является международным судебным актом, обязательность которого вытекает из международно-правового документа, учреждающего трибунал;

квалификация контракта как соглашения об экономическом развитии [Цит. по: Cantegreil 2011: 445].

Таким образом, по мнению арбитра, выбор международного права в качестве надлежащего права соглашения указывает на то, что американские компании-заявители были наделены ограниченной международной правосубъектностью для целей нефтяных концессионных контрактов, заключенных с Ливией. Решение было вынесено в пользу компаний. Спустя некоторое время конфликт между компаниями и Ливией был улажен, а арбитражное разбирательство прекращено.

Однако такая логика расходится со сделанным Постоянной палатой международного правосудия в деле о сербских займах (1929 г.) выводом о том, что любое соглаше-

¹ International Arbitral Tribunal. *Texaco Overseas Petroleum Company / California Asiatic Oil Company v. Government of the Libyan Arab Republic (Compensation for Nationalized Property)*. Judgment of 19 January 1977.

ние, которое не является договором между государствами в их качестве субъекта международного права, основано на внутреннем праве какой-либо страны¹. По этой причине решение делу *Texaco Overseas Petroleum Company / California Asiatic Oil Company v. Government of the Libyan Arab Republic* вызвало неоднозначную реакцию в юридической науке.

Роланд Портманн отмечает, что аргументация, использованная в этом решении, представляет собой отражение концепции признания международной правосубъектности. На это дело сегодня регулярно ссылаются в вопросах, касающихся роли частных субъектов в международном праве. Однако, например, заявления о международной правосубъектности вызвали резкую критику в доктрине, и аргументация в арбитражном решении, безусловно, не отражает позицию большинства международников о том, что юридические лица способны заключать соглашения по международному праву [Portmann 2010: 119]. Жюльен Кантогрэй, наоборот, считает, что это арбитражное решение является перспективным и долгосрочным вкладом Рене-Жана Дюпюи в науку международного права [Cantegreil 2011: 442].

Проблема «соглашений по международному праву» между государствами и юридическими лицами остается спорной. В действительности, как утверждает профессор Винсент Шотай, в интернационализованных контрактах права и обязанности сторон подпадают под действие международного права, и, следовательно, частная сторона обладает конкретными международными полномочиями [Chetail 2013: 110–119]. В то же время, как справедливо отмечает А. Я. Капустин, не нужно преувеличивать значение этих факторов, поскольку речь идет лишь о фрагментарной практике [Международное право 2014: 162].

Однако современные российские и зарубежные юристы обращают внимание на другой аспект международной правосубъектности юридических лиц – способность иметь права. Международные права юридических лиц закреплены в нескольких международных договорах, таких как Вашингтонская

конвенция 1965 г. о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами, Договор к Энергетической хартии 1995 г., Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) 1993 г. У. Ю. Маммадов добавляет, что ТНК обладают материальными правами и обязанностями также по Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., согласно которой на юридических лиц налагаются ограничения присвоения части Международного района морского дна (пп. 1, 3 ст. 137) и за ними закрепляется право осуществлять в пределах Района эксплуатацию имеющихся там природных ресурсов (подп. b п. 2 ст. 153) [Международное право 2011: 365–367].

В некоторых случаях юридические лица могут защищать свои права в международных органах. В. Л. Толстых указывает, что коммерческие корпорации обладают *locus standi* в международных инвестиционных судах (Постоянная палата третейского суда и Международный центр по урегулированию инвестиционных споров) и в международных судах по правам человека [Толстых 2019: 377]. Что касается последних, то речь идет о региональных системах защиты прав человека. В качестве неправительственных организаций юридические лица могут обращаться за защитой прав человека в африканские² и межамериканские [Hennebel, Tigrodja 2022: 1006] правозащитные органы в порядке *actio popularis*. В Европейском Суде по правам человека неправительственные организации отстаивают собственные права (защита собственности, право на справедливое судебное разбирательство, свобода выражения мнения, право на жилище и корреспонденцию).

Современная активность юридических лиц демонстрирует, что они уже давно вышли за рамки национальных правовых систем. Как и индивид, они обладают собственными правами и в ряде случаев могут процессуально обеспечить защиту этих прав в международных органах. В то же время юридических лиц невозможно (пока что) привлечь к международной ответственности. Тем не менее, как справедливо утверждает немецкий профессор Анне Петерс, современные

¹ Permanent Court of International Justice. *Serbian Loans Case (French Republic v. Kingdom of the Serbs, Croats and Slovenes)*. Judgment of 12 July 1929. P. 41.

² African Commission on Human and People's Rights. *Article 19 v. Eritrea*. Communication № 275/2003. Decision of 30 May 2007. § 65.

правовые системы не обуславливают осуществление прав (например, младенцев и людей с умственными недостатками) способностью выполнять юридические обязанности. К тому же международные договоры по правам человека, как правило, не налагают обязанностей на людей. Таким образом, право в его нынешнем виде демонстрирует, что субъекты могут иметь права, но не иметь обязанностей [Peters 2022: 130].

Юридические лица – акторы международно-правовой системы

Помимо исследователей, признающих и отрицающих международную правосубъектность юридических лиц, можно выделить группу ученых-юристов, отказывающихся рассматривать статус этих образований в контексте «субъект – объект права».

Экс-председатель Международного суда ООН Розалин Хиггинс пишет, что само понятие субъектов и объектов не отражает достоверной реальности и, на ее взгляд, не имеет никакого функционального предназначения. Более полезно и ближе к воспринимаемой реальности вернуться к взгляду на международное право как на особый процесс принятия решений. В рамках этого процесса (который является динамичным, а не статичным) существует широкий круг участников, которые предъявляют иски сквозь государственные границы в целях максимального улучшения различных благ. В такой модели нет субъектов и объектов, а есть только участники. Индивиды являются участниками наряду с государствами, международными организациями (такими как Организация Объединенных Наций, Международный валютный фонд или Международная организация труда), многонациональными корпорациями и, конечно, частными неправительственными группами [Higgins 1994].

В вопросах международно-правового статуса автор отстаивает «концепцию актора», согласно которой любое образование, которое осуществляет «эффективную власть» в международном «процессе принятия решений», следует признать «участником» или «действующим лицом». Сторонники этой концепции отвергают теорию международной правосубъектности и используют понятие участника для описания того, какие социальные образования имеют отношение к международному праву [Ibid].

Британский юрист Эндрю Клэпхэм придерживается той же позиции и, указывая на необходимость учитывать положение юридических лиц в международном праве, утверждает, что отсылки к субъектам международного права явно вводят в заблуждение. Смешивание вопроса о субъективности с концепциями международной правосубъектности и международной дееспособности помешало четкому пониманию того факта, что негосударственные акторы могут быть носителями международных прав и обязанностей [Clapham 2006: 80].

Хосе Альварес соглашается с данными утверждениями. По его мнению, применение понятия «участник» к корпорациям, неправительственным организациям и физическим лицам является более целесообразным и точным. Реалии современных международных правотворческих процессов таковы, что корпорации, наряду с другими негосударственными субъектами, расширяют свое участие в ряде международных форумов и разрабатывают тем самым нормы международного права, в первую очередь международного инвестиционного права посредством участия в инвестиционных спорах с государствами [Alvarez 2011: 8–9]. Американский юрист приходит к выводу о том, что очевидно наличие у корпораций международных прав и обязанностей, однако юристы-международники должны тратить свое время не на рассмотрение того, являются ли они субъектами международного права, а на то, какие нормы международного права к ним применимы [Ibid: 31].

Оксфордский профессор Воан Лоу высказывает схожую точку зрения. Корпорации не являются ни субъектами, ни объектами, ни государствами, ни лицами, подобными людям, если использовать принятые в международном праве классификации. У них есть черты и того, и другого, но их необходимо рассматривать как образования *sui generis* [Lowe 2004: 38]. Так, изучая положение юридических лиц в разных областях международного права, профессор заключил, что в вопросах прав человека корпорации выступают и как гаранты (подобно государствам), и как обладатели (подобно индивидам) прав человека [Ibid: 26–38].

Рассмотрение юридических лиц в качестве акторов международного правового процесса

или же образований *sui generis* в принципе также отражает современные реалии международных правоотношений. Пожалуй, можно согласиться с выраженным указанными авторами мнением о том, что употребление понятия «субъект международного права» создает определенные проблемы при оценивании положения того или иного образования в международно-правовой системе. Тем не менее использование аналогичных понятий, например «участник международного правового процесса» или «актор международного правового процесса», преследует ту же цель, что и теория международной правосубъектности, т. е. являет собой попытку объяснить роль определенных образований в международной правовой системе. Но если понятие субъекта, как справедливо было указано, загоняет нас в «интеллектуальное заточение», то понятие участника, наоборот, слишком абстрактно.

Заключение

Несмотря на уже более чем полувековые научные дебаты, проблема международно-

правового статуса юридических лиц остается неразрешенной. По этой причине некоторые авторы отказываются делать какие-либо выводы о положении этих образований в современной международной правовой системе. Так, Малкольм Шоу считает, что вопрос о международной правосубъектности ТНК остается открытым [Shaw 2008: 250]. Питер Мучлински отмечает, что выработка норм, касающихся корпораций в международном праве, все еще далека от завершения. Общего международного корпоративного права как такового не существует, и признание международной правосубъектности корпораций остается труднодостижимым [Muchlinski 2014].

По всей видимости, юридическим лицам еще предстоит «побороться» за звание субъекта международного права, однако это не отменяет того факта, что сегодня они являются одними из основных участников международных правоотношений и, следовательно, оказывают непосредственное влияние на современное международное право.

Список литературы

- Alvarez J.* Are Corporations «Subjects» of International Law? // *Santa Clara Journal of International Law*. 2011. Vol. 9. № 1. P. 1–36.
- Cantegreil J.* The Audacity of the Texaco / Calasiatic Award: René-Jean Dupuy and the Internationalization of Foreign Investment Law // *European Journal of International Law*. 2011. Vol. 22. № 2. P. 441–458.
- Cassese A.* *International Law in a Divided World*. Oxford: Clarendon Press, 1986. 429 p.
- Chetail V.* The Legal Personality of Multinational Corporation, State Responsibility and Due Diligence: the Way Forward // *Privatizing War. Private Military and Security Companies under Public International Law* / ed. by L. Cameron, V. Chetail. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 754 p.
- Clapham A.* *Human Rights Obligations of Non-State Actors*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 648 p.
- Feldman D.* *International Personality* // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. 1985. Vol. 191.
- Friedmann W.* *The Changing Structure of International Law*. N. Y.: Columbia University Press, 1964. 410 p.
- Greenwood C.* *State Contracts in International Law* // *British Yearbook of International Law*. 1982. Vol. 53. № 1. P. 27–81.
- Henkin L.* *International Law: Politics, Values and Function (General Course on Public International Law)*. Dordrecht; Boston: M. Nijhoff, 1990. 416 p.
- Hennebel L., Tigrodja H.* *The American Convention on Human Rights: A Commentary*. Oxford: Oxford University Press, 2022. 1704 p.
- Higgins R.* *Problems and Process: International Law and How We Use It*. Oxford: Clarendon Press, 1994. 267 p.
- Jennings R.* *State Contracts in International Law* // *British Yearbook of International Law*. 1961. Vol. 37. P. 156–182.

- Jessup Ph.* A Modern Law of Nations. An Introduction. N. Y.: The Macmillan Company, 1948. 236 p.
- Joseph N.* Multinational Corporations in World Politics // Foreign Affairs. 1974. Vol. 53. № 1. P. 153–175.
- Koskenniemi M.* To the Uttermost Parts of the Earth. Legal Imagination and International Power, 1300–1870. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 1124 p.
- Lauterpacht H.* The Subjects of the Law of Nations // Law Quarterly Review. 1947. Vol. 63. № 4. P. 438–460.
- Lowe V.* Corporations as International Actors and International Law Makers // The Italian Yearbook of International Law. 2004. Vol. XIV. P. 23–38.
- Malanczuk P.* Akehurst's Modern Introduction to International Law. L.; N. Y.: Routledge, 1997. 449 p.
- Mann F.* The Law Governing State Contracts // British Yearbook of International Law. 1944. Vol. 21. P. 11–33.
- Muchlinski P.* Corporations in International Law. 2014 // URL: [https://www.uio.no/studier/emner/jus/jus/JUS5851/v13/undervisningsmateriale/muchlinski-\(2009\)-corporations-in-international-law-max-planck-enc.-of-pil-co-1.pdf](https://www.uio.no/studier/emner/jus/jus/JUS5851/v13/undervisningsmateriale/muchlinski-(2009)-corporations-in-international-law-max-planck-enc.-of-pil-co-1.pdf) (дата обращения: 01.06.2023).
- Peters A.* Animal Rights // Elgar Encyclopedia of Human Rights / ed. by C. Binder, M. Nowak, J. A. Hofbauer et al. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2022. P. 129–135.
- Portmann R.* Legal Personality in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 333 p.
- Shaw M.* International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 1542 p.
- Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg. 14 November 1945 – 1 October 1946: in 42 vols. Nuremberg: International Military Tribunal, 1947–1949. Vol. 1. 367 p.
- Арцт Д. Е., Лукашук И. И.* Участники международно-правовых отношений // Вне конфронтации. Международное право в период после холодной войны: сб. ст. / отв. ред. Л. Дэмрош, Г. Даниленко. М.: Спарк, 1996. С. 93–107.
- Бирюков П. Н.* Международное право: в 2 т. М.: Юрайт, 2016. Т. 1. 365 с.
- Броунли Я.* Международное право: в 2 кн. М.: Прогресс, 1977. Кн. 1. 535 с.
- Буше-Сольнье Ф.* Практический словарь гуманитарного права. М.: Весь Мир, 2017. 1024 с.
- Вельяминов Г. М.* Международное право: опыты. М.: Статут, 2015. 1006 с.
- Захарова Н. В.* Индивид – субъект международного права // Советское государство и право. 1989. № 11. С. 112–118.
- Крупко С. И.* Инвестиционные споры между государством и иностранным инвестором. М.: БЕК, 2002. 272 с.
- Курс международного права: в 7 т. / отв. ред. Р. А. Мюллерсон, Г. И. Тункин. М.: Наука, 1989. Т. 1. 360 с.
- Левин Д. Б.* Наука международного права в России в конце XIX и начале XX в. М.: Наука, 1982. 267 с.
- Лукашук И. И.* Современное право международных договоров: в 2 т. М.: Волтерс Клувер, 2004. Т. 1. 658 с.
- Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2007. 432 с.
- Мартенс Ф.* Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. СПб.: Тип. А. Бенке, 1904. Т. I. 438 с.
- Международное право / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. М.: Норма; Инфра-М, 2017. 752 с.
- Международное право / под ред. А. Я. Капустина. М.: Юрайт, 2014. 723 с.
- Международное право / под. ред. А. А. Ковалева, С. В. Черниченко. М.: Омега-Л, 2006. 831 с.
- Международное право: в 2 т. / под ред. А. Н. Вылегжанина. М.: Юрайт, 2015. Т. 1. 603 с.
- Международное право. Общая часть / отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. М.: Статут, 2011. 543 с.

Международное право: учеб. / отв. ред. Л. А. Лазутин, Ю. С. Безбородов, М. А. Лихачев. М.: Норма; Инфра-М, 2023. 656 с.

Талалаев А. Н. Право международных договоров. Общие вопросы. М.: Междунар. отношения, 1980. 312 с.

Толстых В. Л. Курс международного права. М.: Проспект, 2019. 736 с.

Толстых В. Л. Курс международного права. М.: Волтерс Клувер, 2009. 1031 с.

Тункин Г. И. Право и сила в международной системе. М.: Междунар. отношения, 1983. 200 с.

Фельдман Д. И., Курдюков Г. И. Основные тенденции развития международной правосубъектности. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974. 131 с.

Шумилов В. М. Международное право. М.: Юстиция, 2016. 523 с.

Шуршалов В. М. Международные правоотношения. М.: Междунар. отношения, 1971. 238 с.

Андрей Алексеевич Лунёв – аспирант кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: lunefff@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8714-5146

Scientific Discussion on the International Legal Personality of National Legal Entities

Despite the obvious influence of commercial companies, non-profit organizations, and transnational corporations on international relations, there are still debates in science about whether such entities can be bearers of international rights and obligations and whether they should be considered subjects of international law. The article analyzes two main approaches to the legal personality of legal entities – negative and positive. According to the first approach, the activity of private persons in international law is mediated by the state. Therefore, national legal entities can only be subjects of national or transnational law, but not international law. Followers of the second approach reject these arguments and believe that the modern international legal order provides legal entities with their own substantive and procedural rights. At the end of the article, a third approach is also studied, according to which the classical understanding of the subject of law does not reflect modern reality. In this case, legal entities should be viewed not as subjects of law, but as actors of the international legal system or entities sui generis. The author criticizes the negative attitude towards the international legal personality of national legal entities and concludes that today they must be considered as full-fledged participants in international legal relations, i. e. as subjects of international law.

Keywords: legal entities, TNCs, international legal status, international legal personality, doctrine

Recommended citation

Lunev A. A. Nauchnaya diskussiya o mezhdunarodnoi pravosub'ektnosti natsional'nykh yuridicheskikh lits [Scientific Discussion on the International Legal Personality of National Legal Entities], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 12–26, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_12.

References

Alvarez J. Are Corporations «Subjects» of International Law? *Santa Clara Journal of International Law*, 2011, vol. 9, no. 1, pp. 1–36.

Artst D. E., Lukashuk I. I. *Uchastniki mezhdunarodno-pravovykh otnoshenii* [Participants in International Legal Relations], Demrosh L., Danilenko G. (eds.) *Vne konfrontatsii. Mezhdunarodnoe pravo v period posle kholodnoi voyny* [Out of Confrontation. International Law in the Post-Cold War Period], Moscow, Spark, 1996, pp. 93–107.

- Biryukov P. N. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], in 2 vols., Moscow, Yurait, 2016, vol. 1, 365 p.
- Brounli Ya. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], in 2 books, Moscow, Progress, 1977, book 1, 535 p.
- Bushe-Sol'n'e F. *Prakticheskii slovar' gumanitarnogo prava* [Practical Dictionary of Humanitarian Law], Moscow, Ves' Mir, 2017, 1024 p.
- Cantegreil J. The Audacity of the Texaco / Calasiatic Award: René-Jean Dupuy and the Internationalization of Foreign Investment Law, *European Journal of International Law*, 2011, vol. 22, no. 2, pp. 441–458.
- Cassese A. *International Law in a Divided World*, Oxford, Clarendon Press, 1986, 429 p.
- Chetail V. *The Legal Personality of Multinational Corporation, State Responsibility and Due Diligence: the Way Forward*, Cameron L., Chetail V. (eds.) *Privatizing War. Private Military and Security Companies under Public International Law*, Cambridge, Cambridge University Press, 2013, 754 p.
- Clapham A. *Human Rights Obligations of Non-State Actors*, Oxford, Oxford University Press, 2006, 648 p.
- Feldman D. *International Personality, Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, 1985, vol. 191.
- Fel'dman D. I., Kurdyukov G. I. *Osnovnye tendentsii razvitiya mezhdunarodnoi pravosub'ektnosti* [The Main Trends in the Development of International Legal Personality], Kazan', Izd-vo Kazan. un-ta, 1974, 131 p.
- Friedmann W. *The Changing Structure of International Law*, New York, Columbia University Press, 1964, 410 p.
- Greenwood C. State Contracts in International Law, *British Yearbook of International Law*, 1982, vol. 53, no. 1, pp. 27–81.
- Henkin L. *International Law: Politics, Values and Function (General Course on Public International Law)*, Dordrecht, Boston, M. Nijhoff, 1990, 416 p.
- Hennebel L., Tigrodja H. *The American Convention on Human Rights: A Commentary*, Oxford, Oxford University Press, 2022, 1704 p.
- Higgins R. *Problems and Process: International Law and How We Use It*, Oxford, Clarendon Press, 1994, 267 p.
- Ignatenko G. V., Tiunov O. I. (eds.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow, Norma, Infra-M, 2017, 752 p.
- Jennings R. State Contracts in International Law, *British Yearbook of International Law*, 1961, vol. 37, pp. 156–182.
- Jessup Ph. *A Modern Law of Nations. An Introduction*, New York, The Macmillan Company, 1948, 236 p.
- Joseph N. Multinational Corporations in World Politics, *Foreign Affairs*, 1974, vol. 53, no. 1, pp. 153–175.
- Kapustin A. Ya. (ed.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow, Yurait, 2014, 723 p.
- Koskenniemi M. *To the Uttermost Parts of the Earth. Legal Imagination and International Power, 1300–1870*, Cambridge, Cambridge University Press, 2021, 1124 p.
- Kovalev A. A., Chernichenko S. V. (eds.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow, Omega-L, 2006, 831 p.
- Krupko S. I. *Investitsionnye spory mezhdru gosudarstvom i inostrannym investorom* [Investment Disputes between the State and a Foreign Investor], Moscow, BEK, 2002, 272 p.
- Lauterpacht H. The Subjects of the Law of Nations, *Law Quarterly Review*, 1947, vol. 63, no. 4, pp. 438–460.
- Lazutin L. A., Bezborodov Yu. S., Likhachev M. A. (eds.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow, Norma, Infra-M, 2023, 656 p.
- Levin D. B. *Nauka mezhdunarodnogo prava v Rossii v kontse XIX i nachale XX v.* [The Science of International Law in Russia in the Late XIX and Early XX Century], Moscow, Nauka, 1982, 267 p.

- Lowe V. Corporations as International Actors and International Law Makers, *The Italian Yearbook of International Law*, 2004, vol. XIV, pp. 23–38.
- Lukashuk I. I. *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast'* [International Law. General Part], Moscow, Volters Kluver, 2007, 432 p.
- Lukashuk I. I. *Sovremennoe pravo mezhdunarodnykh dogovorov* [Modern Law of International Treaties], in 2 vols., Moscow, Volters Kluver, 2004, vol. 1, 658 p.
- Malanczuk P. *Akehurst's Modern Introduction to International Law*, London, New York, Routledge, 1997, 449 p.
- Mann F. The Law Governing State Contracts, *British Yearbook of International Law*, 1944, vol. 21, pp. 11–33.
- Martens F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov* [Modern International Law of Civilized Peoples], in 2 vols., Saint Petersburg, Tip. A. Benke, 1904, vol. 1, 438 p.
- Muchlinski P. *Corporations in International Law*, 2014, available at: [https://www.uio.no/studier/emner/jus/jus/JUS5851/v13/undervisningsmateriale/muchlinski-\(2009\)-corporations-in-international-law-max-planck-enc.-of-pil-co-1.pdf](https://www.uio.no/studier/emner/jus/jus/JUS5851/v13/undervisningsmateriale/muchlinski-(2009)-corporations-in-international-law-max-planck-enc.-of-pil-co-1.pdf) (accessed: 01.06.2023).
- Myullerson R. A., Tunkin G. I. (eds.) *Kurs mezhdunarodnogo prava* [International Law Course], in 7 vols., Moscow, Nauka, 1989, vol. 1, 360 p.
- Peters A. *Animal Rights*, Binder C., Nowak M., Hofbauer J. A. et al. (eds.) *Elgar Encyclopedia of Human Rights*, Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 2022, pp. 129–135.
- Portmann R. *Legal Personality in International Law*, Cambridge, Cambridge University Press, 2010, 333 p.
- Shaw M. *International Law*, Cambridge, Cambridge University Press, 2008, 1542 p.
- Shumilov V. M. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow, Yustitsiya, 2016, 523 p.
- Shurshalov V. M. *Mezhdunarodnye pravootnosheniya* [International Legal Relations], Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, 1971, 238 p.
- Talalaev A. N. *Pravo mezhdunarodnykh dogovorov. Obshchie voprosy* [The Law of International Treaties. General Questions], Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, 1980, 312 p.
- Tolstykh V. L. *Kurs mezhdunarodnogo prava* [International Law Course], Moscow, Prospekt, 2019, 736 p.
- Tolstykh V. L. *Kurs mezhdunarodnogo prava* [International Law Course], Moscow, Volters Kluver, 2009, 1031 p.
- Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg. 14 November 1945 – 1 October 1946*, in 42 vols., Nuremberg, International Military Tribunal, 1947–1949, vol. 1, 367 p.
- Tunkin G. I. *Pravo i sila v mezhdunarodnoi sisteme* [Law and Force in the International System], Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, 1983, 200 p.
- Valeev R. M., Kurdyukov G. I. (eds.) *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast'* [International Law. General Part], Moscow, Statut, 2011, 543 c.
- Vel'yaminov G. M. *Mezhdunarodnoe pravo: opyty* [International Law: Experiments], Moscow, Statut, 2015, 1006 p.
- Vylegzhanin A. N. (ed.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], in 2 vols., Moscow, Yurait, 2015, vol. 1, 603 p.
- Zakharova N. V. Individ – sub"ekt mezhdunarodnogo prava [An Individual is a Subject of International Law], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1989, no. 11, pp. 112–118.

Andrey Lunev – postgraduate student of the Department of international and European law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: lunefff@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8714-5146

Дата поступления в редакцию / Received: 05.07.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2023